

Возврат к пространству империи относителен, в силу изменения социально-экономических условий. Но так как «время» в российской действительности всегда проигрывало «пространству», то сила России именно в актуализации локальных гетеротопий, способных создавать собственные модели, складывающиеся в общую картину идентичности как части целого.

В целом реформирование российского общества обусловлено переходным состоянием от функциональной модели социальности к трансформационной, что и объясняет социально-культурную специфику происходящих событий.

Библиографический список

1. Кемеров В.Е. Ключи к современности – в сдвигах методологии // Вопросы философии. 2014. № 2.
2. Мединский В.Р. О русской демократии, грязи и «тюрьме народов». М., 2010.
3. Шевченко В.Н. Информационная агрессия против России. XXI век: в поисках ответов // Философские науки. 2012. № 8.
4. Егоров В.В. Образно-ментальный мир российского общества в прошлом и настоящем // Образно-ментальный мир России: от прошлого к будущему: матер. Междунар. науч. очно-заоч. конф. (Екатеринбург, 21–22 мая 2013 г.) / [отв. ред. В.В. Егоров]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2013.
5. Спиридонова В.И. Российское пространство. Опыт нового знакомства // Философские науки. 2012. № 8.

И.А. Кох
УГГУ, Екатеринбург

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И КОНФЛИКТЫ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Модернизация общества неразрывно связана с социальными изменениями. Социальные изменения, как правило, являются управляемыми, однако, они неизбежно сопровождаются повышением социальной напряженности и спонтанными конфликтами.

Социальные изменения – фундаментальное социологическое понятие. Под социальным изменением понимается переход социального объекта из одного состояния в другое, цивилизационные перемены, модификации в социальной организации общества, смена установленных социальных образцов поведения, обновление и рост многообразия социальных практик. В классической социологии понятие социальных изменений рассматриваются в понятиях развития и прогресса [1].

Принято выделять два типа социальных изменений – эволюционные и революционные. Оба эти подхода основаны на признании объективности социального знания, что соответствовало общенаучной парадигме XVIII–XIX веков, согласно которой научное знание отражает объективную реальность. Законы последней, как считалось, могут и должны быть поняты, открыты и применены на практике. Различие было лишь в том, что сторонники эволюционизма полагали, что объективное знание о природе социальной действительности помогает рационально осуществлять социальную деятельность, а сторонники революционных изменений исходили, наоборот, из необходимости переустройства мира в соответствии с его внутренними закономерностями. Отсюда и два подхода к анализу и сущности социальных изменений – эволюционных, совершаемых путем реформ и без насилия, и революционных, когда социальные субъекты переустраивают общественный порядок [2].

Спенсер усматривал сущность эволюции и социальных изменений общества в его усложнении, усилении его дифференциации, которое сопровождается ростом интеграционных процессов, восстанавливающих единство социального организма на каждом новом этапе его развития. Социальный прогресс сопровождается усложнением общества, ведущим к росту самостоятельности граждан, росту свободы индивидов, более полному обслуживанию их интересов со стороны общества.

Э. Дюркгейм рассматривал процесс социальных изменений как переход от механической солидарности, основанной на неразвитости и сходстве индивидов и их общественных функций, к солидарности органической, возникающей на основе разделения труда и социальной дифференциации, которая ведет к интеграции людей в единый социум и является высшим моральным принципом общества.

К. Маркс определяющим фактором социальных изменений считал производительные силы общества, рост которых ведет к смене способа производства, что, являясь основой развития всего общества, обеспечивает и смену общественно-экономической формации.

С одной стороны, согласно «материалистическому пониманию истории» у К. Маркса, производительные силы объективно и эволюционно развиваются, увеличивая власть человека над природой. С другой стороны, в ходе их развития формируются новые классы, интересы которых приходят в противоречие с интересами господствующих классов, определяющих характер действующих производственных отношений. Тем самым возникает конфликт внутри способа производства, образуемого единством производительных сил и производственных отношений. Прогресс общества возможен только на основе кардинального обновления способа производства, а новые экономические и политические структуры могут появиться лишь в результате социальной революции, осуществляемой новыми классами против прежних, господствующих. Поэтому социальные революции, по К. Марксу, – это локомотивы истории, обеспечивающие обновление и ускорение развития общества. Таким образом, у Маркса представлены как эволюционный, так и революционный подходы к анализу социальных изменений.

Представители эволюционного подхода полагали свои схемы верными в отношении всех обществ, которые проходят один и тот же путь от исходного менее развитого состояния к более развитому современному. Поэтому эти классические социологические теории рассматриваются как модернистские теории, для которых очевидна предпосылка о том, что в процессе социальных изменений стандарты модерна рано или поздно будут приняты всеми модернизирующимися странами.

Эволюционные концепции социальных изменений сыграли положительную роль в понимании разнообразных причин, определяющих развитие общества. В то же время данные концепции (за исключением, пожалуй, марксизма) не могли в достаточной мере объяснить причины кризисов, попятных движений и распада общественных структур. Эволюционизм не смог также объяснить социальные процессы и явления, возникающие на сжатом историческом отрезке времени (смена правительств, рост преступности, отклонения в поведении индивидов и т. п.), так как он исходил из рассмотрения общества в большой исторической перспективе.

Ограниченность классического эволюционизма в XX веке преодолевалась путем поиска новых подходов к социальным изменениям, среди которых выделяются теории циклического развития (О. Шпенглер, А. Тойнби) и теория социального изменения Т. Парсонса. В сущности, они развивали и обогащали идеи эволюционного

подхода к социальным изменениям, дополняя их новыми аналитическими схемами.

В теориях циклического развития эволюция общества, заложенные итальянским мыслителем Нового времени, рассматривалась не как прямолинейное движение к более совершенному состоянию общества, а как своеобразный замкнутый цикл подъема, расцвета и упадка, вновь повторяющийся после его завершения. Циклические концепции развития общества рассматривают социальные изменения по аналогии с маятником, когда выведенное из равновесия под действием каких-либо факторов общество совершает колебательные движения от одной точки к другой, застывая посередине и восстанавливая тем самым свою стабильность.

Теория социальных изменений Т. Парсонса строится на основе мыслительной модели структур общества и его изменения по принципу кибернетической иерархии различных систем – организмов и личностей как ступеней растущей степени сложности. Действительно глубокими изменениями являются, по Парсонсу, те, что затрагивают широкую сферу культуры. Экономические и политические перевороты, не затрагивающие уровень культуры в обществе, не меняют поэтому и самого общества в его основе [3].

Общество как социальная система обладает устойчивостью, способностью к самовоспроизводству, что находит проявление в стабильности его основных структурных элементов (адаптации). Если соотношение сил, элементов, поддерживающих равновесие, нарушается, но сама конфигурация общественной системы в целом, ее основные структурные элементы остаются неизменными, то утраченное равновесие быстро восстанавливается, т. е. изменения остаются внутренними (например, рост влияния какой-либо социальной группы, появление нового состава государственных органов и т. д.), а система, интегрируя в себя новые образования, в целом остается неизменной.

Второй вид социальных изменений – это изменение структуры, когда система неспособна восстановить равновесие из-за сильного давления изнутри и извне. Для сохранения целостности социальной системы происходит модификация социальных подсистем и их структурных элементов.

Более обобщенно социальное развитие общества Парсонс сводит к четырем механизмам эволюции. Первый – это дифференциация, связанная с усложнением строения общества. Второй – адаптация (адаптивное возвышение), под которой понимается новый способ соотношения с окружающей средой (например, новая техника или новые

способы коммуникации). Третий механизм предполагает увеличение объема членства в обществе (инклюзия). Прежние критерии членства в обществе (класс, пол, этническая принадлежность) теряют свое значение в эволюционирующем обществе. Четвертый – обобщение ценностей. В изменяющемся обществе ценности и нормы все в меньшей степени остаются приемлемыми для разных групп. Все шире в обществе начинают распространяться представления об универсальных, не зависящих от типа социальной системы человеческих правах и идеалах (например, Декларация ООН о правах человека, международные силы и т. д.) [4].

Со второй половины XX века понятие социальных изменений все чаще рассматривается в рамках новой парадигмы, называемой постмодернистской. Суть нового понимания состоит в том, что социальные изменения рассматриваются не как естественно-исторический, но как социально-исторический процесс, в котором «социальный агент», или «актор», играет активную преобразующую роль. Этот подход представлен в работах А. Турена, Э. Гидденса, П. Штомпки, М. Арчер, В.А. Ядова и др.

Новая парадигма опирается на отличное от классического представление о социологической науке. Две важнейшие составляющие радикально меняют взгляд на науку вообще и социологию в частности. Со второй половины XX века все чаще признается влияние на итог научного знания метода, теории и, кроме того, активной позиции самого исследователя, его нравственной установки, его разума или предрассудков. В итоге научное знание в классической форме как безусловно объективное ставится под сомнение.

Наиболее ярко эту позицию «нежесткой социологии» в отношении социальных изменений представляет Э. Гидденс. Он, как и другие представители постклассической парадигмы, критически относится к эволюционистам, утверждая, что аналогия социального развития с повышением уровня адаптированности общества вряд ли уместна. Он полагает сомнительным и представление о прогрессе как восхождении общества по уровню сложности, дифференцированности социальных систем, как это утверждалось от Спенсера до Парсонса. Социальные изменения он рассматривает как многофакторный процесс, на который влияют изменения и среды, и экономики, и культуры, и политических институтов. В различных эпизодах социально-исторического процесса эти факторы приобретают разное значение, что и должно составлять основной объект социологического анализа социальных изменений.

Хотя сами представители нового подхода классифицируют свои исследования как постклассическую, постмодернистскую парадигму, поскольку они добавили к критике модерна и модернизации, «деятельностный подход», по сути они продолжают пользоваться модернистскими концепциями. Это выражается в том, что сохраняется исходная предпосылка модерна о наличии единственной траектории общественного развития от традиционных (патриархальных, неразвитых) обществ к обществам современным (либеральным, развитым).

В качестве альтернативы классическим (модернистским) и постклассическим (постмодернистским) концепциям социальных изменений выступают, с одной стороны, концепция множественного модерна (multiple modernity) (Ш. Айзенштадт), развивающая в социологии идеи цивилизационного подхода, и концепция институциональных матриц (С. Г. Кирдина).

Другой тип социальных изменений, рассматриваемых в социологии так же широко, как эволюционные, – это революционные социальные изменения. В исследованиях революций выделяют два подхода. Один из них можно назвать «модернистским». Он характерен, прежде всего, для западной науки. Другой подход, несмотря на внешнюю парадоксальность, можно назвать «эволюционистским подходом» к анализу революционных социальных изменений. Его придерживаются некоторые российские исследователи, ученые стран Юго-Восточной Азии, Израиля (Айзенштадт), а также редкие представители из стран Запада (Саркисьян).

Большинство современных концепций революционных социальных изменений, разрабатываемых в рамках модернистского подхода, базируются на оценках и трактовке К. Марксом событий Великой французской революции 1789 года. Марксистская теория революций акцентирует внимание на радикальных изменениях в экономической и политической организации общества, смене основных форм социальной жизни. Со времени Маркса революции понимаются как коренное изменение общества в ключевых аспектах, ведущих к изменению характера этого общества. Сегодня подавляющее большинство исследователей сходится в том, что революции ведут к фундаментальным, всеобъемлющим, многомерным изменениям, затрагивающим саму основу социального порядка.

Подробный анализ концепций, которые можно отнести к «модернистскому» направлению в исследовании революций, дает Петер Штомпка. Он выделяет четыре современные западные теории революций: бихевиористскую, или поведенческую, теорию, предложенную

в 1925 году П. Сорокиным (причины революций он усматривает в подавлении базовых инстинктов большинства населения и бессилии властей воздействовать на изменяющееся поведение масс); психологическую, представленную концепциями Джеймса Дэвиса и Теда Гурра (причины революций они видят в том, что массы болезненно осознают свою нищету и социальную несправедливость и поднимаются в результате этого на бунт); структурную, сосредотачивающуюся при анализе революций на макроструктурном уровне и отрицающую психологические факторы. Напрямую следуя Марксу, эти теории условием революции полагают кризис экономики и политики, который рассматривается ими преимущественно в контексте классовых и групповых отношений. Наконец, четвертая группа теорий включает в себя политические теории революций, которые рассматривают только политическую сферу общества, а революцию считают результатом нарушения баланса власти и борьбы соперничающих группировок за управление государством. Этот подход характерен, например, для Чарльза Тилли.

Отрицание революций как процесса качественного преобразования общественных структур и защита тезиса о преимущественно эволюционном характере социальных изменений характерны также для современной неоинституциональной теории. Известна эволюционная гипотеза Армена Алчяна, высказанная им в 1950 году, где он указывал на зависимость траектории движения обществ от предшествующего развития и обосновывал тем самым институциональную устойчивость обществ. Эта гипотеза породила целое направление в неоинституционализме, названное традицией *path dependence*. Придерживающиеся этой позиции ученые утверждают, что институциональный процесс носит инкрементный характер. Это означает, что институциональные изменения не совершаются дискретно.

Д. Норт также указывает на способность общества к сохранению основной траектории социальных изменений за счет присущей ему институциональной структуры. Им предложен специальный термин «эффект блокировки», который показывает блокирующую роль институтов при попытках повлиять на характер социальных изменений. Действие этого эффекта выражается в том, что, несмотря на непредсказуемость конкретных краткосрочных тенденций развития, общее направление социальных изменений в долгосрочной перспективе является более предсказуемым и вряд ли возможно их возвращению вспять.

В рамках данного подхода предполагается, что революции происходят в случае, когда общество не реформирует себя сознательно,

в русле свойственного ему направления исторической эволюции. Если же при нарушении институционального соответствия между основными сферами общества или внутри одной из них реформы или революции не осуществляются, то это может привести к гибели общественного организма, его распаду либо к капитуляции перед внешними условиями. Разумеется, с точки зрения общественного прогресса более предпочтительным, по сравнению с революциями, является осуществление разумных экономических, социальных и политических реформ в государстве в соответствии с присущими ему закономерностями развития. Такой путь требует дальнейшего развития представлений о характере социальных изменений, чтобы социологическая наука была способна дать необходимые обоснования и рекомендации. Если же предпринимаемые реформы противоречат природе общества, если не происходит их коррекции в результате «обратных связей», то возрастает вероятность революции. Она аналогична вспышке болезни в человеческом организме и, как и болезнь, освобождает организм от накопившихся вредных воздействий и восстанавливает его жизнеспособность. В этом смысле революцию следует рассматривать позитивно. Хотя она и является более болезненным средством в сравнении с социальными реформами, но, в конечном счете, революция позволяет предотвратить процесс распада общества и его уничтожение.

В современном обществе преобладают эволюционные процессы изменений. Однако предположение о том, что они являются управляемыми, очень часто оказывается поспешным. Наоборот, все чаще и чаще в конце XX – начале XXI века «управляемые» реформы приводят к спонтанным процессам, которые вызывают рост напряженности и социальные конфликты. Стимулятором таких процессов в современном обществе являются практикуемая определенными политическими силами концепция «управляемого хаоса», жертвой которой стали народы Азии, Северной Африки и Европы в начале XXI века.

Однако множество конфликтов порождено объективными обстоятельствами в процессе проведения политических и экономических реформ. Провозглашенный руководством России курс на модернизацию общества можно осуществить исключительно путем инновационных преобразований всех сфер жизнедеятельности человека. Главной сферой модернизации общественной жизни является экономика и обеспечивающие ее инновационное развитие наука и образование.

Сохранение и дальнейшее развитие научного, технического, технологического и производственного потенциала, создание стимулов

для опережающего роста производства наукоемкой продукции сегодня являются приоритетными направлениями государственной политики. Для развития инновационного потенциала в регионе имеются в достаточном объеме научные, технические и инвестиционные предпосылки, созданы правовые основы для внедрения инноваций в производство и социальную практику.

Провозглашенный курс на модернизацию общества порождает множество проблем, научный анализ которых необходим для успешного решения предстоящих задач. Одно из центральных мест среди них занимает исследование факторов, вызывающих социальную напряженность и торможение процессов модернизации. Вряд ли удастся этого избежать, назвав «болезнями» роста и банальными актами сопротивления инновациям, психологически свойственное большинству людей. Поэтому своевременное выявление противоречий, скрытых «пороков» развития и латентных факторов сопротивления переменам, а также принятие своевременных мер, будут снижать социальную напряженность и число конфликтов, тем самым способствовать ускорению процессов модернизации общества.

Одна из особенностей модернизации российского общества состоит в том, что она осуществляется по типу «догоняющего» развития. При этом опираются на опыт других стран, где модернизация уже успешно осуществлена, но в других исторических и социально-экономических условиях. Это позволяет учесть, с одной стороны, негативный опыт и исторические ошибки. Однако некритическое использование зарубежного опыта, которое зачастую сводится к их заимствованию без учета конкретно-исторических условий, чаще всего порождает перманентную дезорганизацию и конфликты. Модернизация – это, прежде всего, социальный и культурный процесс активного созидания и освоения новой системы ценностей, формирование нового типа инновационного мышления.

Быстрые темпы социальных перемен объективно порождают противоречия норм и ценностей, противостояние традиций и инноваций. Различные социальные группы и слои населения придерживаются разных, порою противоположных, позиций по поводу экономической и политической стратегии развития общества. Разнообразие ценностей – естественное состояние человеческих сообществ. Но именно они и обуславливают возможности позитивных и негативных интерпретаций модернизации, возникновение социокультурных противоречий, вызывающих рост социальной напряженности и конфликты. Наличие в современном социуме ценностей и структур

традиционного общества, обычаев и традиций, сложившихся на доиндустриальной стадии их развития, соседствуют с ценностями индустриального общества, технической цивилизации. Сосуществование традиционных и модернизированных форм и элементов культуры – нормальное явление, характерное для развивающихся обществ, в которых к тому же традиционные ценности обычно значительно превышают потенциал модернизированных структур культуры.

Сопrotивление переменам, инновациям характерно для многих социальных групп. Формирование новой системы ценностей, инновационного мышления – процесс достаточно длительный, а модернизацию планируется осуществлять быстрыми темпами. В этом и скрывается один из главных источников дезорганизации и повышенной социальной напряженности, которые неминуемо будут сопровождаться конфликтами.

Для успешной модернизации общества необходимо сформировать в массовом сознании определенную иерархию базовых фундаментальных ценностей, на что указывал еще Талкотт Парсонс. Фундаментальные ценности свидетельствуют о готовности общества к переменам. В обществе должно быть достаточное количество социальных групп и индивидов, готовых стать субъектами инноваций, вооруженных стратегией и тактикой модернизации с учетом имеющегося экономического и научно-образовательного потенциала, человеческих и природных ресурсов.

В этом плане предстоит еще много сделать для преодоления устойчивых стереотипов коллективистского сознания у людей старшего поколения, нравственного «оправдания» экономического расслоения общества, появление новых социальных групп – предпринимателей, работников банковской и торговой сферы. В массовом сознании по-прежнему сохраняются представления о справедливости уравнилельных отношений, моральное осуждение богатства и богатых – постоянный источник социальной напряженности и конфликтов в обществе с социальным неравенством. Наше общество еще далеко от толерантности к разнообразию ценностей, которая необходима для утверждения норм и принципов демократических свобод – необходимого условия модернизации по западному образцу. Поэтому культурная и нравственная легитимация предпринимателей, а также новых для нашего общества форм деятельности, утверждающих ценности свободы, экономической самостоятельности и ответственности, являются важнейшими компонентами идеологической подготовки модернизации. В противном случае

не избежать столкновения ценностей, социальной напряженности и конфликтов.

Социальная напряженность в период социальных изменений в процессе модернизации во многом зависит от представления людей о естественности или искусственности тех или иных процессов общественного развития. В России процессы модернизации исторически всегда рассматривались как искусственно навязанные руководством страны. Так происходило, начиная с Петра I, навязывавшего России европейские модели развития. И сегодня утверждение реалий частной собственности многими воспринимается как нечто навязанное славянскому общинному сознанию, а потенциальные собственники все еще опасаются независимости, риска и ответственности. Навязанная модернизация оценивается, прежде всего, сквозь призму негативных последствий – извращением традиционной культуры, деградацией привычного образа жизни, возникновением новых рисков, а положительные стороны зачастую остаются в тени. Однако модернизация может рассматриваться как определенная стадия развития, как естественный процесс перехода на качественно новый уровень индустриального общества. Повышенная тревожность, высокая социальная напряженность и конфликты вовсе не являются обязательными спутниками процессов модернизации.

Важнейшим звеном инновационной экономики является внедрение инноваций в производственную и социальную практику. Проблема внедрения изобретений и рационализаторских предложений всегда стояла очень остро в стране. Порой новая техника и технология годами не внедрялась в производство из-за сопротивления работников, административных и иных искусственных барьеров. Другой причиной было то обстоятельство, что технические новшества не были востребованы народным хозяйством или не отвечали современным требованиям.

Наше исследование (2011–2013 гг.) показало, что население далеко не в полной мере осознало и усвоило новые подходы к жизни (рис. 1). По результатам проведенного массового опроса жителей Свердловской области лишь пятая часть населения ощущает себя участниками инновационных процессов в обществе, а 72 % опрошенных не участвовали в последние пять лет в создании или внедрении инноваций. Причины пассивности могут быть разные, но это косвенный показатель того, что не сформировано инновационное мышление. Большое значение имеют мотивы и стимулы инновационного поведения работников всех сфер деятельности.

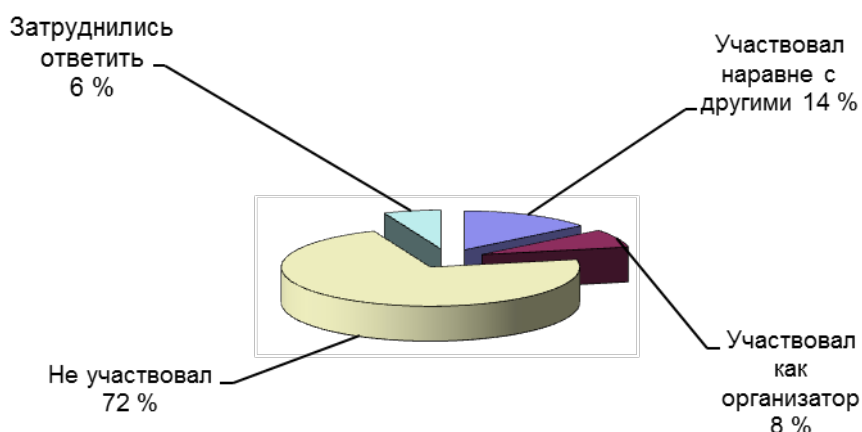

Рис. 1. Участие работников в создании и/или внедрении инноваций в последние пять лет

Причиной низкого уровня активности вовсе не является отсутствие поддержки или противодействие новаторам. Результаты опроса показывают, что пятая часть работников встретили поддержку своим предложениям (18,9 % от числа опрошенных), в то время как лишь 6,8 % работников столкнулись с противодействием (рис. 2). При этом 13,4 % опрошенных заявили, что столкнулись с безразличием к своим предложениям.

Рис. 2. Если Вы участвовали в создании и/или внедрении нового, то встретили ли Вы поддержку или противодействие?

Инновационное мышление населения обусловлено характером культуры конкретного общества. Принципы и формы реализации инновационной деятельности вырабатываются постепенно, зачастую методом проб и ошибок. Попытки упрощенного подхода к инновационным процессам, слепое копирование зарубежного опыта, обеспечившего модернизацию в других странах, без учета особенностей экономических, политических и иных условий, обречены на провал. Это доказывает и опыт создания объектов инновационной инфраструктуры в последние годы в нашей стране. Во-первых, объекты инновационной инфраструктуры (наукограды, технопарки и другие) зачастую создавались без должных предпосылок. Во-вторых, в России по-прежнему отсутствуют базовые условия модернизации, такие как особая система государственной поддержки малого и среднего бизнеса, социальная инфраструктура в сфере инновационной деятельности, защита интересов владельцев интеллектуальной собственности и создателей высокотехнологичной наукоемкой продукции, наличие в стране круга крупных инвесторов, готовых вкладывать деньги в инновационные проекты.

Процессы социальных изменений, изменение традиционных ценностей, общественных отношений и возникающие при этом социальные конфликты в модернизируемом обществе изучали многие известные социологи, в том числе М. Вебер, К. Маркс, Р. Парк, Ф. Теннис, М. Леви, Т. Парсонс, У. Ростоу и многие другие. В концепциях модернизации проблемы социальных изменений и конфликтов рассматриваются в двух основных вариантах. Во-первых, постоянно происходят внутрисистемные изменения, ибо само равновесие социальной системы не есть неподвижность, а состояние динамическое. Это постоянно изменяющееся равновесие, которое характеризуется Т. Парсонсом по аналогии с биологическим гомеостазом. В рамках социальной системы постоянно нарушается баланс связей и их воспроизводство, которые ведут к дезинтеграции системы и одновременно вызывают необходимость ее восстановления. Во-вторых, происходят изменения самой системы в целом под влиянием как внутренних, эндогенных, так и внешних, экзогенных факторов, которые могут иметь различную природу и силу влияния.

Социальная напряженность есть следствие дисбаланса в отношениях между структурными элементами социальной системы. В случае большого напряжения регулирующие и контрольные институциональные механизмы социальной системы могут не справиться с задачей поддержания сложившегося баланса отношений, что приводит

к росту социальной напряженности и конфликтам. Постоянным латентным источником социальной напряженности в обществе являются неудовлетворенные потребности населения.

Потребуется значительные усилия и время для формирования в сознании населения новых ценностных ориентаций, способных обеспечить эффективное использование экономического и социокультурного потенциала населения в период социальных изменений, перемен, конфликтов – неотъемлемых спутников модернизации общества.

Библиографический список

1. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
2. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование в обществе. М., 1999.
3. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
4. Гидденс Э. Социология. М., 1999.

С.М. Верзилов
УГЛТУ, Екатеринбург

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО: ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Актуальность темы в значительной степени обусловлена глобальными проблемами современности, а также субъективностью политики. Для России актуальность связана с переходом к формированию правового государства и гражданского общества. Отсутствие в стране сформировавшегося правового государства и гражданского общества выводит политически активных граждан не на политические партии и их программы, а непосредственно на политического лидера, который, как им кажется, полнее выражает их интересы, чаяния и надежды. Примером может служить деятельность Б.Н. Ельцина на посту Президента России. Вера в его лидерские качества на начальном этапе его правления способствовала относительной стабилизации общественного развития, но в определенный момент массовое сознание переключилось в противоположное направление, что привело к серьезным социальным потрясениям. В этой связи возникает ряд вопросов, совокупность которых можно свести к одному: каким должен быть политический лидер.